

КАК НАТАСКАТЬ
ВАШУ СОБАКУ ПО

АНТИЧНОСТИ

и разложить по полочкам основы
греко-римской культуры

18+

ОСТРОУМНО!

КРАТКО!

ДОСТУПНО!

Филип Уомэк

Филип Уомэк
Как натаскать вашу собаку
по античности и разложить
по полочкам основы
греко-римской культуры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70223857

Как натаскать вашу собаку по античности и разложить по полочкам основы греко-римской культуры: КоЛибри, Азбука-Антикус; Москва; 2024

ISBN 978-5-389-24811-3

Аннотация

«Греческий и латынь, разумеется, никакие не мертвые. Их жизнь бурлила во все века. Представьте себе реку, у которой несколько устьев, а еще вдобавок несколько притоков, и все они впадают в огромное литературно-культурное море. Тексты и мифы, которыми и занимается антиковедение, сейчас актуальны, как и всегда. Этот libellus, или эта книжечка, даст вам все, что нужно для общего представления о предмете. Мы будем обсуждать и крупные темы, и мелочи. Мы обнаружим мифологические основания для литературы и философии, посмотрим, как возникли великие эпические поэмы, с которых началась западная цивилизация, и какой они несут смысл. Мы

исследуем, как работает история, поговорим о любовной поэзии и трагедиях... На страницах этой книги мы с Уной бродим по грязным и многолюдным улицам на севере Лондона и почти сельским холмам Хэмпстед-хит, но в воображении мы проходим мимо афинского Парфенона во всей его расцветенной красе, подглядываем за римскими сенаторами, пока Цицерон уличает негодяя Катилину, или просто праздно играем во дворе в кости. Чтобы составить нам компанию в этом путешествии, вам не понадобятся даже ботинки... А теперь приготовились – и берите от этой книги всё!» (Филип Уомэк)

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	7
Глава 1	15
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Филип Уомэк

**Как натаскать вашу собаку
по античности и разложить
по полочкам основы
греко-римской культуры**

*Посвящается Николе Шульман, doctae puellae
amicaeque discipulaeque¹, с которой и начались
многие из этих бесед.*

И Уне, optimae cani²

Philip Womack

HOW TO TEACH CLASSICS TO YOUR DOG

A Quirky Introduction to the Ancient Greeks and Romans

© Philip Womack, 2020 © Сорокина Н. С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Любовь Уомэка к своему предмету заразительна.
Wunderdog

Сила этой книги – в той увлеченности, с которой Уомэк предлагает нам самую разнообразную пищу для ума... Здесь многое возбуждает любопытство и интерес.
Literary Review

Живо и познавательно.
Classics For All

Филип Уомэк и его собака Уна – отличная компания для путешествия по античному миру.
Гарри Маунт, автор книги «Впусти латынь в свою жизнь» (Amo, Amas, Amat... and All That)

Введение

Летом 2011 года гигантский поисковик Google запустил социальную сеть Google+, которая должна была составить конкуренцию самому «Фейсбуку».

Генеральный директор Facebook Марк Цукерберг занял агрессивную позицию. Это было вражеское вторжение на его законную территорию. «Фейсбуку» придется обороняться. Цукерберг развесил по кампусу своей компании воодушевляющие плакаты. С мемами из популярных телешоу? Или с ухмыляющимися эмодзи? А может быть, на них был знаменитый фейсбучный большой палец вверх?

Ничего подобного. Для демонстрации своих имперских амбиций Маркус Цукербергус Либервультус³ выбрал фразу, произнесенную более 2000 лет тому назад одним римским цензором: «*Carthago delenda est*», и над этим девизом поместил грозный силуэт римского воина в шлеме.

Карфаген должен быть разрушен. Этот город издревле был врагом Рима. Государственный деятель Катон полагал, что Карфаген чересчур разбогател; этот город грозил Риму прямо из-за Средиземного моря.

Каждую свою речь в сенате Катон завершал этими словами, не важно, относились они к делу или нет. Этот грозный,

---

³ В переводе с латыни – «книга лица». – Примеч. автора.

смелый, воинственный девиз прекрасно отражает самонадеянное желание Цукерберга разгромить всех своих соперников.

Римской империи больше нет, но чрезмерные амбиции будут всегда. Империи создаются и распадаются самыми разными способами. Google+ исчез, раздавленный мощью Цукерберга и его несметными легионами. *Google delenda est!*

Заниматься античностью бывает непросто. Иногда я ощущаю себя воином в Трое: в город уже затащили деревянного коня, все на радостях перепили и впали в бессознательное состояние, и вдруг их будит лязг вражеского оружия. По улицам Трои раздается вопль: «Это же был подарок!» – а дома и дворцы меж тем пожирает огонь.

Против античника выступают крупные суровые силы, которые кажутся всемогущими. Наш враг верит в «устарелость» нашей науки. Нас спрашивают: а как вообще возможно понять то, что произошло так давно? Какой вообще смысл в попытках узнать и понять языки, которые уже много веков как погребены на двухметровой глубине? Люди часто относятся к занятиям классической древностью как к милому курьезу, будто это ваша чудаковатая двоюродная бабка Миллисент, которая до сих пор читает бумажные газеты, пишет чернильной ручкой и нервничает, что пропустила почту. Они всегда спрашивают меня: «Но зачем быть антиковедом?»

«Латынь мертва, совсем мертва, мертвее нет ее. Всех рим-

лян в гроб свела латынь, теперь меня убьет!»

А древнегреческий – да ну, там даже алфавит другой, какой вообще в нем толк? Там все так мутно, что никто про него даже оскорбительных стишков не сочиняет.

Греческий и латынь, разумеется, никакие не мертвые. Их жизнь бурлила во все века. Представьте себе реку, у которой несколько устьев, а еще вдобавок несколько притоков, и все они впадают в огромное литературно-культурное море. Тексты и мифы, которыми и занимается антиковедение, сейчас актуальны, как и всегда.

Сейчас я готовлю к изданию эту книгу, и в это самое время комики Стив Куган и Роб Брайдон воссоздают путешествие Одиссея для телешоу про мужскую идентичность и дружбу. Писатель и хип-хопер Акала недавно исследовал эту же поэму и путешествовал по Средиземному морю в поисках ее истоков. Он пришел к выводу, что гомеровская устная культура не так уж сильно отличалась от сегодняшних рэп-баттлов. Герцог и герцогиня Сассекские назвали свой благотворительный фонд «Арчевелл» (Archewell) с отсылкой к греческому слову ἀρχή. Они говорят, что это слово означает «источник действия»; в общем да, но еще оно означает «власть», откуда слово «монархия» и другие. И, в общем, жаль, что у них не нашлось филолога-классика, который сказал бы им, что *arche* читается как «архе».

Принц Гарри на уроках греческого считал ворон, но сам предмет процветает. В частных школах и классических гим-

назиях древние языки давно уже символизируют определенный уровень образования, хотя в некоторых из них подход к преподаванию не менялся последние полвека (я не шучу). Все больше принимает участие государственный сектор. Загляните на сайт «Классика для всех» (Classics for All) – это благотворительная организация, которая финансирует преподавание классических дисциплин, – там вы найдете видео, где дети из самых разных концов страны восторженно спрягают глаголы. «Латынь – язык будущего», как сказала одна учительница из Блэкпула. И она не лукавит.

Этот *libellus*, или эта книжечка, даст вам все, что нужно для общего представления о предмете. Если вы хотите научиться не путать Одиссея с Тесеем, эта книга для вас. Если вы немного учили в школе латынь, эта книга для вас. Если вы занимались античностью в университете и забыли все, что учили, эта книга для вас. Если вы интересуетесь литературой, историей, мифологией или философией, то... эта книга для вас.

Если вы настроены скептически и учить латынь для вас примерно из той же серии, что носить гофрированный воротник, петь мадригалы и осваивать игру на лютне, то все равно дайте нам шанс. В конце концов, если сам повелитель всея Интернета отыскал что-то полезное в этой явно пыльной старине, может быть, вы тоже что-то для себя найдете.

В следующих главах мы охватим самые существенные аспекты изучения античности. Их можно описать прекрасным

латинским выражением *sine qua non*⁴. Без этих аспектов изучения классики просто не бывает. Наши рассуждения представлены в виде бесед с моей собакой по кличке Уна, которые мы ведем в течение нескольких месяцев, с середины августа до начала января.

Мы будем обсуждать и крупные темы, и мелочи. Мы обнаружим мифологические основания для литературы и философии, посмотрим, как возникли великие эпические поэмы, с которых началась западная цивилизация, и какой они несут смысл. Мы исследуем, как работает история, поговорим о любовной поэзии и трагедиях.

На более приземленном уровне вы обнаружите надписи, посвященные домашним собакам, вам встретятся люди, чья работа – откармливать павлинов, императоры – сумасшедшие и нормальные, вы увидите превращения в собак и волков, вы ощутите масштаб и сложность античного мира. Вы обнаружите страшные битвы, страстную любовь и вызывающие жуть повороты судьбы, но в то же время сможете посмеяться над шутками и историями – например, о пафосном бывшем рабе, писавшем в серебряные бутылки.

Никакой другой предмет не дает такой широты, никакой другой предмет не имел столь глубокого влияния на такое количество людей в разных обществах и странах в разные века. Римская дама времен ранней Империи вполне могла бы осмысленно беседовать с современным подростком о пись-

---

⁴ Без чего невозможно (*лат.*).

мах Цицерона или стихотворениях Сапфо. Изучать классику – почти как путешествовать во времени. Игнорировать античность, сокращать ее изучение – это значит непоправимо обеднять мир интеллекта, фантазии и духа.

Иногда древность кажется настолько заманчиво близкой, что ты будто можешь выйти из дома и сразу попасть на римский форум, и тебе почти уже слышны шелест тог и крики ораторов; а иногда она невозможно далека.

Преимственность непрерывна. Мадонна вполне могла бы петь: «Мы живем в мире классики, и я классическая девушка»⁵. Само ее имя – это, конечно, сокращенное латинское *Mea Domina* – буквально «Моя Госпожа».

Античность сопровождает меня почти всю мою трудовую жизнь. Я начинал в 2003 году с частного преподавания в Лондоне, почти сразу после выпуска из Оксфордского университета, где изучал классику и английскую литературу в Ориэл-колледже, и сейчас мои ученики рассеяны по всему земному шару.

Конечно, я преподаю и очно, но развитие технологий помогает мне присутствовать на занятии в бестелесном виде, подобно тому, как может являться какое-нибудь младшее божество, только вместо волшебных мечей или шапок-невидимок я раздаю неправильные глаголы.

Ученик может быть в Гонконге, Сингапуре, Америке, а

---

⁵ Переделанные строки песни «Material Girl», где *material* – «материальный, меркантильный» заменено на *classical* – «классический». – *Примеч. перев.*

я сижу в своем кабинете в Лондоне и произношу слова древних. Существительные, глаголы и грамматические конструкции с треском, свистом и хрустом пролетают по электрическим проводам, быстрые как мысль, что, возможно, не так уж сильно удивило бы древних людей. У них была богиня Фамма (персонификация молвы), которая распространяла свою болтовню по всей планете, сидя в доме на вершине горы.

Латынь распространяется *in totum orbem*, или по всему миру.

На моих занятиях мы с учениками произносим те же слова, что излетали из уст оратора Цицерона, поэтов Вергилия и Гомера, философа Платона и множества других классиков. Меня это завораживает. Язык по-настоящему мертв, только если он перестал быть на устах, в умах, в сердце.

Уна – моя собака – сделала большие глаза. Собаки как никто умеют это делать.

– *Значит, когда ты на своих уроках говоришь мне «sede», и я, как bona canis, то есть хорошая собака, сажусь, я тем самым демонстрирую, что латынь жива, и хоть и не в первых рядах, но все же находится в строю?*

– Именно так, – ответил я. – *Bona canis!*

И погладил ее.

Уна замахала пушистым хвостом: самодовольство ей не чуждо.

На страницах этой книги мы с Уной бродим по грязным и многолюдным улицам на севере Лондона и почти сельским

холмам Хэмпстед-хит, но в воображении мы проходим мимо афинского Парфенона во всей его расцвеченной красе, подглядываем за римскими сенаторами, пока Цицерон уличает негодяя Катилину, или просто празднично играем во дворе в кости. Чтобы составить нам компанию в этом путешествии, вам не понадобятся даже ботинки... Остается сказать лишь одно: «Carpe diem».

– *Carpe... что?* – подняла ушки Уна.

– Это значит не столько «лови день», сколько «возьми от него все». Я хочу сказать, что читать эту книгу можно как угодно: отдельные главы, которые вас зацепят, или все подряд. Академики, филологи-классики и историки античности всю свою жизнь проводят глубоко погружаясь во все аспекты предмета, о котором я здесь рассказываю, и каждый раздел, я надеюсь, станет для вас отправной точкой, если вы захотите исследовать эти области более детально. Ссылки на дополнительные материалы здесь даны в сносках или в библиографии, так что вы можете воспользоваться ими, чтобы проследить за исследованиями или теориями. Все ошибки здесь – мои.

А теперь приготовились – и берите от этой книги всё!
Carpe librum.

Глава 1

Настали собачьи дни

Преддипсовие

Был ранний август, собачьи дни, и по идее должна была стоять собачья жара.

Имелась, правда, одна проблемка. Я в тот момент не нежился на каком-нибудь греческом острове, не загорал близ виноцветного моря, не потягивал коктейль с видом на римскую развалину. Хоть сколько-нибудь виноцветной была только нависавшая надо мной грозовая туча. Разумеется, я был в Англии.

Ливень бушевал уже довольно долго, и бедные мы с Уной ютились под деревом у подножия Парламентского холма, что в Хэмпстед-хит – наиболее достоверном подобии «загорода» в Лондоне. Невдалеке сцепились между собой несколько собак, и этот шерстяной шар с головами напоминал Кербера – трехглавого пса из Аида, да и шума они производили столько, что вполне могли бы и мертвого разбудить. Я поделился этой мыслью с Уной. Она посмотрела на меня с легким презрением – эту особенную гримасу она строит по три-четыре раза на дню.

– *Кербер?* – переспросила она.

В то утро она вытащила меня из дому, вся разрываясь

от кипучей энергии. Теперь она не понимала, почему мы должны останавливаться из-за нескольких капель дождя. Если промокнешь, можно же встряхнуться от носа до хвоста, а если не помогло, то уже дома обтереться об диван. Что мешает нам пойти дальше?

Должен упомянуть, что Уна – изящная черно-белая лерчер. Она фыркнула, заметив белку, и забеспокоилась.

– Кербер, – сказал я Уне. – Ну, знаешь, чудовищный пес Аида? Гераклу еще пришлось его тащить из подземного царства.

Моя тоненькая рубашонка уже насквозь промокла. Уна вздохнула.

Я прикинул, сколько нам еще тут ждать и не пойти ли дальше, и тут наконец дождь перестал лить и начал моросить. Черные тучи разошлись, солнечный луч копьем пронзил небо, и явился разукрашенный лук Ириды, посланницы богов. Уна заморгала, что могло значить только одно: я опять сослался на античность.

Вокруг нас снова начиналась жизнь. Бегуны с наушниками в ушах продолжили пробежку. Школьники в жилетах кислотного цвета вновь пустились на поиски разноцветных флажков. Подростки на великах вернулись к своим трюкам. А остальные залипли в телефоны в ожидании очередного сообщения.

Я повернулся к Уне.

– *Так что – Ирида?* – спросила она, шевельнув хвостом.

Она машет им, как флагом, если ее заинтересовал какой-нибудь предмет, пусть даже разлагающаяся полевка.

– Ирида – радуга, она была наряду с Гермесом посланницей богов. Античный мир, как и наш, жил сообщениями. Люди возносили молитвы богам, посылали проклятия. Глашатаи и посольства предлагали мир или угрожали войной. В афинской драме одно из ключевых мест – речь вестника.

Солнце уже совсем вышло, радуга бледнела, темные тучи отошли поливать дальние пригороды. Ирида выполнила свою работу и отправилась обратно на гору Олимп по праву отдохнуть, выпить кубок амброзии и посудачить с остальными бессмертными.

– Для древних, в отличие от нас, радуга вовсе не была обиталищем поповых пушистых единорогов. У Гомера Ирида «вихреногая», а ее сестры – Гарпии, свирепые наполовину птицы, наполовину женщины.

Мы поднялись на Парламентский холм, потихоньку обсыхая. Уна воспользовалась моментом и вывалилась в траве – ей удалось только еще больше измазаться.

– Дело в том, что она – посланница, – продолжал я. – Радугой как небесным явлением восхищались целые поколения. Нас учили, что это разложение света на семь отдельных цветов. Но смотри, как описывает Ириду Вергилий в эпической поэме «Энеида».

Я открыл нужное место в приложении SPQR:

Ergo Iris croceis per caelum roscida pennis
mille trahens varios adverso sole colores...

С неба Ирида летит на шафранных крыльях росистых...

Это момент, когда богиня несется к земле, чтобы выполнить небесную миссию, на росистых (*roscida*), шафрановых крыльях (*croceis pennis*). За собой она увлекает *mille colores* – тысячу цветов⁶.

– Тысячу?..

Уна цветов не различает, но ее все равно это слегка озадачило. У Гомера в Илиаде Ирида названа πορφύρεην.

– Это значит «пурпурная»?

– Да, Уна. Но Гомер не это имел в виду. Давай посмотрим это слово в словаре Лидделла – Скотта. Это словарь древнегреческого языка, впервые опубликован в 1889 году и с тех пор, по сути, не особо менялся. У антиковедов в ходу не всякий ширпотреб в одноразовой упаковке, а вещи, созданные на века.

Этот самый Лидделл, кстати, – папа Алисы Лидделл, которая послужила прообразом Алисы в книге Льюиса Кэрролла («Алису в Стране чудес» перевели на латынь под названием «*Alicia in Terra Mirabili*»⁷). Мой Лидделл – Скотт со мной

---

⁶ В поэтическом переводе С. А. Ошерова: С неба Ирида летит на шафранных крыльях росистых, В утренних солнца лучах стоцветный след оставляя... Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худ. лит., 1979. С. 217. — *Примеч. ред.*

⁷ Чарльз Лютвидж Доджсон латинизировал первые два своих имени, и получи-

уже больше двадцати лет. Там даже шуточки есть.

– Правда? В словаре?

– Да! В первом издании для слова *συκοφάντης* (сикофант) дается значение «клеветник», потом сказано, что это слово относится к людям, обвиняющим других в краже у них фиг. И Лидделл пишет: «Это, вероятно, фикция». Фикция-фигция.

– Не к месту как-то, – сказала Уна.

– Впрочем, из последующих изданий это убрали. Громоздкий том я с собой не таскаю, весь словарь есть у меня в телефоне.

Я нашел слово *πορφύρεος* и стал зачитывать Уне вслух:

– «О вздутом [sic]...»

– Сиг? Это рыба такая?

– Нет, sic. «Так» по-латински. Это слово употребляют, когда что-то выглядит странно или написано с ошибкой, и надо показать, что именно так и должно быть.

Я продолжил читать словарную статью:

– «О вздутом море, *блестяще-темный, темный*; о крови; о гибели в бою; о вещах, ткани etc., *темный, красно-коричневый*; о радуге, возможно, *яркий, лучезарный*; о змеях *сверкающий*. Кажется, Гомер не знал пурпура, так что это слово не подразумевает какой-то конкретный цвет».

Собственно, *πορφύρα* – это моллюск багрянка. Если ее

лось Carolus Lewis, затем поменял слова местами, как бы отзеркалил. Видишь, латынь везде. – Примеч. автора.

раздробить, получится пурпурная краска – очень дорогое производство, поэтому именно этот цвет ассоциировался с богатством и императорской властью. При этом, заметь, в словаре сказано, что слово *порфύρεος* не подразумевает какой-то конкретный цвет. Радуга не пурпурная. Разумеется, Ирида не целиком пурпурная.

На примере Ириды видно, насколько мы с древними разные. Для нас радуга – физическое явление. Для них Ирида – воплощение движения и яркого света, чего даже отдаленно нет в «радуге». Взгляни на радугу – наверное, ты увидишь только семь цветов, потому что тебя так научили. А сейчас ты, может быть, увидишь и тысячу.

Уна дернула за поводок. Белка осмелела и очутилась всего в нескольких шагах от нас. Остановилась и уставилась на нас сияющими глазками, как будто говоря Уне: «Не поймашь, не поймашь!» Потом на всякий случай стремительно забралась на дерево, где безопаснее.

Обескураженная Уна обернулась ко мне.

– Ты без конца твердишь про свою античность, классику... А что это вообще? И почему называется классикой? Это как мои любимые книжки?

– А какие у тебя любимые книжки? – спросил я.

Уна задумалась. Я ждал, что она скажет «Дог Кихот», но не дождался.

– Латинское слово *classis*, помимо прочего, означало группу римлян, достигших определенного уровня достатка, –

иными словами, класс. Затем от него произошло прилагательное *classicus*.

– А что оно означает?

– Отличный. Перворазрядный. Отменный. Высший сорт.

– *Породистый?*

– Именно. Специалисты по классике изучают то, что со временем стало известно читателям, писателям и критикам как лучшие литературные образцы греко-римской эпохи. Конкретнее, это множество текстов, дошедших до нас из Афин V века до н. э. и I века до н. э. – I века н. э. из Рима.

До нас дошло много образцов поэзии, драмы, философских трактатов, исторических произведений и других текстов – ими можно целиком завалить весь Колизей. Сегодня ты можешь прочесть легкую шуточную поэму о войне между мышами и лягушками; завтра – рассуждения об этике; а на следующий день – научно-фантастический рассказ о полете на Луну. В основном учащиеся начинают с литературы с вкраплениями философии в качестве изюминки.

Есть еще шуточная книга «Филогелос» (Φιλόγελος).

– *Расскажи что-нибудь оттуда.*

– Ученик спрашивает невежественного учителя, как звали мать Приама. Он не знает, поэтому отвечает: «Из вежливости мы называем ее госпожа».

– *Интересно!*

– Не стоит рассчитывать прочесть все эти тексты на своем веку. Для этого пришлось бы стать бессмертным. А бес-

смертны только медузы, но они не умеют читать. По крайней мере, по моим представлениям. При этом сохранность текста – во многом дело случая.

Например, мы много веков знали о греческой лирической поэтессе Сапфо, но ни одного ее стихотворения у нас не было. Фрагменты Сапфо обнаружались только в XIX веке, и не где-нибудь, а в Египте, на свалке. Этот факт не говорит ничего о том, как люди к ней относились, а просто показывает, что папирус использовали много раз, снова и снова исписывая его, пока не приходила пора его выбросить.

У Рональда Фербенка, писателя XX века, в романе «Тщеславие» (Vainglory) есть сцена, где показана фрустрация при расшифровке обрывков манускрипта. Герой-профессор рассказывает живо интересующимся гостям о недавнем открытии отрывка, по-видимому из Сапфо. Все они ожидают чего-то возвышенного. Но что они слышат?

...профессор выразительно зачитал бессмертные строки.

– О, очаровательно! – воскликнула леди Листлесс с несколько озадаченным видом.

– Действительно весьма прелестно!

– Может быть, кто-нибудь расскажет мне, что это значит, – поинтересовалась миссис Тамблер, – на простом английском. Увы, мой греческий...

Профессор ответил несколько неохотно:

– На английском языке это будет: «Не могла [он поднял палец], от ярости своих ступней!»

Вне контекста эта фраза просто космически странная!

На сегодняшний день нам удалось склеить фрагменты между собой, и миллионы читателей наслаждаются поэтическим слогом Сапфо. Бот Сапфо в «Твиттере» выдает ее строки (в переводе), смешивая древность с современностью.

– *Итак, если хочешь изучать классику, с чего начать?*

– С языка. Это отправная точка, *fons et origo*...

– *Что?*

– Извини. Исток и начало этого громоздкого предмета – языки, на которых были написаны эти тексты.

– *А в переводе их нельзя прочитать?*

– Можно. Меня часто спрашивают, какой перевод Илиады «лучший», но это все равно что выбрать любимую симфонию у Моцарта. Вот стихотворный перевод Александра Поупа:

Achilles' wrath, to Greece the direful spring
Of woes unnumber'd, heavenly goddess, sing!

Ахиллов гнев, принесший грекам страшный рой
бессчетных бед, небесная богиня, пой!

А теперь послушай прозаическую версию Э. В. Рью:

The Wrath of Achilles is my theme, that fatal wrath
which, in fulfilment of the will of Zeus, brought the
Achaean so much suffering...

Гнев Ахилла предмет моего рассказа, роковой гнев, который во исполнение Зевсовой воли принес ахеянам столько страданий...

У Рью⁸ о богине ни слова, она появляется лишь через несколько строк. Сравнивая переводы, можно попробовать текст на вкус, но чтобы вкусить его сполна, стоит взяться за сами языки. Филолог-классик изучает классическую латынь и древнегреческий язык, их грамматику, синтаксис, словарный состав. Также вы можете углубиться в историю латинского языка и узнать, каким он был до того, как стал собственно латинским (ответ: весьма странным), пристально изучать корни слов, находить параллели между латынью и греческим, возводить слова к их праязыковым формам. В ходе изучения языков вы также познакомитесь с образцами текстов. А вместе с текстами второй стороной того же се-стерция будут контексты. Эта дисциплина должна быть хоро-шенько сдобрена античной историей. Если литература – это стейк, то беарнским соусом к ней будет исторический фон. Изучать римского поэта Вергилия вкуснее, если знаешь, что, пока он писал «Энеиду», над ним нависала тень императора Августа.

– *Так какой период вы охватываете?*

– Можно начать около 2700 года до н. э., с догреческих

---

⁸ Э. В. Рью еще писал детские стихи. Например: Раздаётся пронзительный звон — В океане трещит телефон: — Это рыбка-летучка? Привет! Приглашаю тебя на обед. Как приятно обедать вдвоём! Прилетай в лучшем платье своём... (Пер. Л. Зимана) Но этим он не столь известен. — *Примеч. автора.*

обществ, дальше пронестись через Афинское государство, Римскую империю и эффектно завершить вояж в конце Византийской империи (она была продолжением Римской) в 1453 году н. э.

Уна мыслит собачьими годами, а они существенно короче человеческих, и для нее все это было практически непредставимо.

– *Да ладно*, – сказала она, подергивая носом.

– Да, такие крупницы недоверия вполне можно заронить. В течение всего этого долгого времени и греческий, и латынь были живы и полноценно функционировали по всей Европе и даже за ее пределами. Существует гигантский корпус текстов. Латынь была средством международного общения в самых неожиданных случаях. Например, в XVI веке один ацтек отправил испанскому королю письмо на латинском языке.

Иллюстрацией к этой стороне вопроса может послужить история Стефана (Иштвана) Пармениуса. Он родился в Венгрии в XVI веке, посетил большую часть европейских университетов и наконец обосновался в Крайст-черч в Оксфорде. Он принял участие в путешествии исследователя сэра Хамфри Гилберта в Северную Америку и написал в честь отправления эпическую поэму гекзаметром на латинском языке. К несчастью, он утонул. Но как знать – останься он в живых, может, у нас был бы эпос о том, что потом стало Соединенными Штатами Америки.

Даже сейчас у Папы Римского есть словарь, в котором указаны латинские названия современных явлений.

– Ты серьезно?

– Еще как! Там есть слово «поезд» и всякое подобное.

– И как по-латински «поезд»?

– *Намахostichus*. Безумное количество книг переведено на латынь и древнегреческий, моя любимая – про Винни-Пуха. И знаешь, Уна, если кто-то сидит и пытается построить на латинском фразу «Гарри выхватил палочку», то, думаю, можно смело считать, что этот язык никакой не мертвый и даже не язык-зомби.

– *Латынь до сих пор используют?* – спросила Уна со слегка удивленным видом.

– Да. Даже если не считать всевозможные латинские афоризмы и девизы, а их очень много. На YouTube есть целая субкультура с латинскими песнями, уроками, пародиями. Найди «Агамемнона» на канале *Rathergood*. Там могучий предводитель греческих войск рифмуется с бараньим окороком по имени *Legolambnon*, что можно примерно перевести как Ягноногнон. Царь поет: «На Трою вел я флот аргиян». Кусок печеного мяса отвечает: «Я крут с картошкой и подливой!»

По бременскому радио регулярно передают сводки на латинском языке под названием *Nuntii Latini* («Латинские новости»)⁹.

---

⁹ Крупный заголовок на момент подготовки к печати этой книги там был та-

Существует латинская версия «Википедии» – *Vicipaedia*, которая регулярно пополняется новостями на латыни. Субботним утром меня обычно можно застать за разгадыванием латинского кроссворда в *The Times* – он называется «*O tempora!*» («О времена!»). Также я состою в античном книжном клубе *Pindr* – мы встречаемся раз в две недели, и в последнее время читали плутарховское жизнеописание Марка Антония и некоторые стихотворения Горация.

– *В честь чего он так называется?*

– В честь поэта Пиндара. Мы регулярно общаемся на латинском языке. Например, кто-нибудь может сказать: «*Si ancillam filio invenire potero, veniam!*» – то есть «Приду, если найду няню для сына».

– *Lollius Maximus*¹⁰, – сказала Уна.

– Итальянская журналистка Джованна Кирри сорвала сенсацию, так как единственная поняла речь папы, в которой он на латыни объявил о своем отречении от престола.

– *Отличная вещь!* – оценила Уна. – *И в самом деле полезная.*

Я наградил ее самым строгим из линейки своих строгих взглядов.

– Языки – это важно. Но есть еще один не менее существенный аспект. Многие, как и я, приходят к классике пото-

---

кой: *Negotia de Europaeis auxiliis contra coronavirus composita* – букв. «Состоялись переговоры относительно европейских союзников против коронавируса». – *Примеч. автора.*

¹⁰ Мегалол (*лат.*).

му, что их что-то завлекло и очаровало. Так, например, была книжка «Истории о животных» издательства Usborne. Мне ее купила мама. Там был пересказ басен Эзопа, разных мифов и сказок о происхождении, но меня больше всего манила глава про волшебных животных. Там я встретил (и пожалел) кракена – морское чудище, которое утаскивает и убивает неосторожных моряков; единорога, которого выманила из укрытия тибетская девочка; чудовищного пожирателя быков грифона. Особенно меня поразил василиск – смертоносный змей, вылупляющийся из петушиного яйца, уничтожающий все живое своим дыханием. Потом я еще довольно много лет чувствовал себя неуютно вблизи курятников. Но это все было так, цветочки, по сравнению с главным впечатлением.

У меня даже слезы проступили на глазах от нахлынувших воспоминаний. Мне пять лет... закутавшись в одеяло, я погружаюсь в фантастический мир...

– *И? Что за главное впечатление?* – Уна толкнулась лбом в мою ногу, со свойственной ей деликатностью вернув меня в реальный мир.

– Прости, Уна. Это была история по мотивам греческого мифа о герое Беллерофонте и крылатом коне Пегасе.

Даже в столь юном возрасте я почувствовал, что эта история по сравнению с остальными более глубокая и сильнее отзывается в душе. Она была о чем-то очень важном и непосредственно связана с нашим миром.

Книжка эта до сих пор у меня есть, теперь уже изрядно

потрепанная. Иллюстрации выглядят нелепо и комично. У всех на головах лавровые венки, все одеты в тоги – разумеется, древние греки так не одевались. Сама история очень ужата, адаптирована для детских глаз и ушей. По версии ее издателя, некий царь ненавидит Беллерофонта (причины этой ненависти не называются) и отправляет его убить чудовище, называемое химерой. Герою помогает богиня Афина (она там похожа на кинозвезду), которая дает ему волшебную уздечку и велит укротить Пегаса.

Пегас поразил мое воображение: у него такие широкие, пушистые крылья, совершенно несуразные, но при этом почему-то ему отлично подходят. Это очень мощный символ, а я тогда еще не знал, что он рожден из тела горгоны после того, как ей отрубили голову.

– *Правда?*

– Да! Поэтому Персея, обезглавившего горгону, иногда изображают верхом на коне. Путают этих двух героев. А еще, знаешь, у Пегаса был брат, его звали Хрисаор. Он родился из тела Медузы одновременно с Пегасом. Правда, он не конь, а просто человек. Но он стал отцом трехголового гиганта, так что, получается, не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Память о Пегасе жива: его бронзовое изображение с устремленными в небо передними копытами можно увидеть на воротах лондонского Иннер-Темпла. Такое сочетание – красота коня и изящество крыльев – не знает себе равных в греческой мифологии.

Настораживало в этой истории – и потому вызывало интерес, – что Беллерофонт, когда убил химеру, стал зазнаваться. Можно представить, как он, вернувшись домой с химерой, привязанной к спине крылатого коня, глушил эль, объедался зажаренными быками, хвастался и рассказывал всем и каждому, какой он весь из себя знаменитый герой, при этом рыгая и пованивая потом. Его когда-то упругие мышцы стали превращаться в рыхлый жир...

– *Примерно как твои*, – фыркнула Уна.

– Сейчас речь не об этом. Какое-то время он подпирал барную стойку в местном трактире и в конце концов всем надоел. У его друзей стало появляться все больше других дел. А он уже за третьим кубком вина, запинаясь, вещал: «Я вам уже говорил, что у химеры три головы?» Наверное, он сделал из нее коврик, или как минимум прибил ее головы у себя дома над обеденным столом.

«Прости, мне надо пойти облегчиться...»

Думается, кто-то из оставшихся слушателей сказал ему: «Да ну, пес с тобой, раз ты такой крутой, может, Зевсу еще все это расскажешь?»

Это наверняка ущемило его гордость. Этим слабакам не понять, что пережил он, Беллерофонт. Он чудовище убил! Максимум, что сделал в жизни любой из них, – это вернул в стадо заблудшую козу. Может, он, Беллерофонт, божественного происхождения. Давно пора отправиться на небеса и заявить о своих правах в силу рождения...

Так он и сделал. Опустошил свою кружку пива, разбрызгав пену по столу, вытер рот тыльной стороной кисти, оседлал Пегаса и взмыл в небо, к горе Олимп, обиталищу богов.

Но Зевс увидел его издалека. От Зевса ничего не скроешь. Он слышал про этого Беллерофонта и следил за ним вполглаза. И это уже был перебор: простой смертный пытается одолеть небесные выси?

Он послал пчелу, чтобы та ужалила его коня. Взбешенный Пегас скинул Беллерофонта со спины, герой-хвостун рухнул и разбился насмерть. На этом о Беллерофонте все. Зевс тем временем подумал, что Пегас ему вполне нравится на вид, и оставил коня для своей колесницы.

История смерти Беллерофонта стала первым намеком на то, что в древнем мире все не так просто. Эта история не просто о том, как герой убил чудовище, женился на деве и стал царем. Я мог восхищаться отвагой Беллерофонта, но в то же время все осложнялось его глупостью. Тогда я этого не знал, но познакомился с одним из важнейших понятий классического мира – *хюбрис*. Этот термин широко известен как означающий надменное поведение, после которого провал. Античное понимание хюбрис было сложнее: действие, совершенное с целью опозорить кого-то. Полет Беллерофонта на Олимп опозорил бы богов, поэтому героя нужно было убрать.

У этой истории еще много граней. Наиболее глубоко эту идею интерпретировал философ Платон. В его представ-

лении возникший, символизирующий душу, поднимается к небу, управляя двумя конями. Один конь дикий, он пытается сбросить возничего обратно на землю, а другой, добродушный, поднимает человека в небеса.

Управление конями становится распространенной метафорой для управления самим собой: мы также видим это в трагедии Еврипида, где Ипполит не может справиться с колесницей и погибает. Это борьба человека, освещенная мифом и превращенная в философию. Любой может понять значимость этого образа.

С Беллерофонтом мы еще встретимся, когда будем говорить о Гомере, а также о трагедии. Но давай ненадолго вернемся к Ириде и посланникам. История о Беллерофонте, даже в сокращенном и урезанном виде, все равно оказалась в какой-то мере актуальной.

Мифы связаны с переходом, они отражают моменты, когда изменяется природа мира, и при этом они несут универсальные истины о человеке и его опыте. Читая античные тексты, стараясь проникнуться прошлым и тем, как оно связано с сегодняшним днем, мы пускаемся на поиски сути реальности, идем к пониманию того, кто мы, почему мы таковы, что нас создало.

Я умолк. Мы стали взбираться на холм. Уна, вопреки обыкновению, не умчалась в неведомую даль, а трусила рядом со мной, подергивая носом.

– Все это, конечно, замечательно. А собаки там еще бу-

дут? – спросила она.

– Собаки? О да. И много.

– *Ну, тогда рассказывай еще.*

– Как, например, тебе история про Прокриду и ее волшебного пса?

– *Кажется, это отличное начало.*

Глава 2

Save sanem

Собаки у древних: жизнь и литература

Еще до того как нас застал дождь, мы с Уной вальяжно брели в сторону Хита. Душа пела, все было расчудесно... Мы проходили мимо домов, и у многих на воротах было написано «Save sanem»¹¹. Эта надпись обычно сопровождалась изображением оскалившейся зверюги – с таким видом, как будто, если вы окажетесь в пределах досягаемости, она покажет вам, на что способны ее челюсти. Правда, если пройти в ворота, там можно обнаружить трусливое создание вроде кокер-пуделя, совершенно не собирающееся вас кусать.

– *У меня несколько лучших друзей – кокер-пудели.*

– Охотно верю. Фраза «*Save sanem*» приятна своей краткостью, чего нельзя сказать о более громоздкой «Осторожно, злая собака!» По сути, здесь отлично видны изящество и выразительность латинского языка.

Роберт Джулиан Йитман¹², один из авторов пародийной исторической книги «1066 год и все такое» (1066 and All

---

¹¹ Берегись собаки (*лат.*).

¹² Учился в Ориэле, что очень хорошо. – *Примеч. автора.*

That), на своих воротах краской написал «SAVE CANEM». А вот собаку рисовать не стал. Ему указали на то, что воры могут и не знать латынь так хорошо, как он. «Что ж, – ответил он. – Такие воры нам не нужны!»¹³

Собак всегда использовали для охраны – причиной тому их внешний вид, как чаще всего бывает в Лондоне, или наличие особо мощных мускулов. В Доме трагического поэта в Помпеях есть изображение пса настолько свирепого, что он процарапывает борозды на земле – так сильно ему хочется разорвать кому-нибудь глотку. Этот черный с белыми пятнами пес чем-то похож на Уну. А еще в Помпеях археологи откопали останки сторожевой собаки прямо в ошейнике. Бедняга погибла на привязи во время извержения Везувия в 79 году.

Римский автор Колумелла советует: когда заводишь хозяйство, первым делом надо купить собаку, и обязательно белую, чтобы ночью не спутать ее с волком. Имя собаке нужно дать короткое, лучше всего в два слога. Это наиболее разумные советы Колумеллы, ведь, кроме прочего, он расскажет вам, что, если нужно избавиться от гусениц, надо отправить менструирующую девушку гулять босиком по вашему саду. Но собаки, по его утверждению, – это ваши первые охранники, так что в данном случае ему вполне можно доверять.

Уна зарычала, показывая, что она тоже, если надо, может

---

¹³ Письма в The Times, 27 ноября 2017 г. – *Примеч. автора.*

вцепиться в глотку незваному гостю. Напомню: она лерчер, ее происхождение полуаристократическое, полуцыганское, а ее предок – древняя борзая с острым зрением, известная в античности как *vertragus*. Быстроногая лаконская (спартанская) гончая охотилась по запаху. У Уны нюх до неприличия плохой. Мимо нее может проскакать целая кавалькада белок, но она, если они у нее за спиной, ничего не заметит. А вот если что-то мелькнет вдали, она увидит и понесется туда, как дротик, пущенный рукой неистового гота. Единственное, что у Уны отлично получается вынюхивать, так это почтальонов – она чувствует их за километр.

– У Арриана, написавшего биографию Александра Македонского, была *vertragus*, которую он называл «самой быстрой, мудрой и божественной». Звали ее Горме (Ὁρμή), что означает «мощное движение вперед, натиск, нападение, наступление».

– *И правильно называл.*

Уна, разумеется, и сама быстрая, мудрая и божественная, но я ей об этом никогда не говорю, а то вдруг она зазнается. Но мне странно представить, что подумают жители Хита, если я стану звать Уну словом «Атака!».

– Сильвер, Сильвер!

Мимо торопливо прошла женщина. Она то смотрела на экран айфона со свойственной многим маниакальностью, как будто она цепью к нему прикована, то оглядывала парк вокруг. Я обернулся посмотреть, где ее собака.

К женщине подбежала маленькая девочка. Оказалось, Сильвер – так звали дочь. Что ж, в конце концов, это Хэмпстед.

– Александр Македонский назвал город в честь своей любимой собаки Периты – Перит. Считалось, что собака спасла Александра от смерти, и умерла она на коленях у своего хозяина.

Уна очень обиделась.

– *А почему ты никогда не называешь в честь меня города?*

Я пожал плечами.

– Зато писатель и воин Ксенофонт написал трактат о псовой охоте «Кинегетик». Там он говорит о различных охотничьих породах, таких как касторова и лисья (вulpинская) – последнюю, по-видимому, вывели путем скрещивания с лисой.

Уна беспокойно вильнула хвостом.

– Я же сказал – «по-видимому». Еще Ксенофонт говорит, что боги-близнецы Аполлон и Артемида одарили охотничьим талантом кентавра Хирона.

– *А это кто?*

– Древний наставник, он учил многих героев, в том числе воинов Ахилла и Кефала, с которым мы очень скоро познакомимся. Ксенофонт дает множество подробных инструкций, как лучше всего охотиться на зайцев.

– *Это и я тебе расскажу,* – хмыкнула Уна.

– Аристотель упоминает огромного молосского мастифа

– он тяжелее охотничьих собак, из города Молосс в материковой Греции (говорили, что первый царь Молосса был потомком Ахилла) – и хвалит их за храбрость. Вергилий тоже говорит, что, если вам прикрывает спину молосский пес, вам не придется бояться волков и разбойников. Римский император Марк Аврелий (тот самый, что написал несколько приторные «Размышления») надевал на них ошейники с шипами и тренировал их нападать строем, так что они были настоящими боевыми псами.

Собак зачастую сжигали вместе с телом умершего хозяина, чтобы они сопровождали его в загробной жизни. И в греческой, и в римской культуре была распространена практика хоронить собак с почестями: автор IV века до н. э. Феофраст в «Характерах» рассказывает о тщеславном человеке, посвятившем эпитафию своей «мелитской собачонке», – правда, в этом тексте скорее высмеиваются его мелкие притязания.

Существует эпитафия собаке по кличке Маргарита (Жемчужина), высеченная в мраморе, – текст написан как бы от лица самой собаки и подробно описывает ее биографию. Эту собаку любили сильно и искренне: ее никогда не держали на цепи, белоснежное ее тело никогда не колотили; она лежала на коленях у хозяина и хозяйки. Близкие отношения собаки с человеком, по-видимому, – величина постоянная.

Еще один трогательный пример – надгробный камень, установленный в честь собаки по кличке Елена, жившей примерно во II веке н. э. В надписи на этом камне собака

называется «приемной дочерью»¹⁴.

Одна из самых очаровательных сохранившихся античных вещей на сегодняшний день – александрийская мозаика II века до н. э. Там изображена белая с черными пятнами собака в красном ошейнике, рядом с которой лежит кувшин. Выражение морды у собаки – в точности та же смесь любви, удивления и раскаяния, которую мы наблюдаем у наших четвероногих друзей, когда они сделали что-то не то и знают об этом.

Римляне разводили собак и создавали новые породы. Согласно подсчетам, по улицам Рима могло бродить порядка десяти тысяч домашних собак.

– *Ничего себе!*

– Можно представить, как много их было на улицах: историк Светоний рассказывает про бродячую собаку, которая принесла в обеденную залу императора Веспасиана настоящую человеческую руку. Думаю, у него сразу пропал аппетит к жареной сонe, которой он завтракал¹⁵.

– *Фу! Хотя «соня» – звучит неплохо.*

– Действительно. Сонь откармливали в специальных сосудах. А еще можно себе представить римскую даму с карманной собачкой мальтийской породы – как и сегодняшнюю

---

¹⁴ Michael MacKinnon. Pack animals, pets, pests, and other non-human beings // The Cambridge Companion to Ancient Rome. – Примеч. автора.

¹⁵ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. и примеч. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 194. В примечаниях к этому фрагменту указывается, что рука считалась символом власти. – Примеч. ред.

модницу, у которой собачка выглядывает из сумочки.

– Ну... Ты же знаешь мое мнение о таких собаках.

В этот момент я уже чуток вспотел. Было еще жарко, по Хиту шатались толпы лондонцев. Уна высунула язык и нежно лизнула мне руку, что означало нечто в духе «надеюсь, когда я умру, ты поставишь мне памятник».

– В древности считалось, что у собачьей слюны есть целебные свойства. Множество статуй собак найдено на территориях святилищ – возможно, из-за их терапевтических способностей. Кого хоть раз облизывала собака, однозначно подтвердит правоту древних.

Свидетельства собачьей верности встречаются на протяжении истории. Историк Плутарх рассказывает, как жители эвакуировались из Афин, когда на город должны были напасть персы. Отплывая, афиняне смотрели назад на берег и увидели своих собак – все они с воем бежали к морю. Один пес, принадлежавший отцу Перикла, бросился в море и плыл рядом с кораблем до самого Саламина.

– Как здорово!

– На самом деле нет. Бедняга околел, как только они все ступили на берег.

Мы ушли в теник, сели на скамейку (в смысле я сел) и стали наблюдать за собаками. (Надо сказать, что если в любое время дня встать у входа в Хит, можно увидеть целый парад собак, от принаряженных пуделей до ленивых лабрадоров.) Невдалеке резвились немецкие овчарки, чье знание латыни

оставляло желать лучшего, и бишон фризе, который вполне мог быть игрушечной собачкой императрицы.

Я уже говорил, что, несмотря на собачьи августовские дни, никакой собачьей жары не было в помине. Уистен Хью Оден в стихотворении «Под знаком Сириуса» рисует убедительную картину сонного жаркого лета. Ржавеют копыта легионеров, мозг школяра опустошен, даже пророчица Сивилла не в состоянии нормально предсказывать. Я как-то продекламировал его на руинах римского театра в ливийском городе Лептис-Магна, несколько ошеломив туристов: они не могли понять, этот псих-англичанин – часть шоу или нет?

– Сириус – собачья звезда. Это самая яркая звезда на небосклоне, и по идее ее появление на небе в августе вместе с солнцем должно добавлять прелести жаре, – пробормотал я, глядя на небо.

Уне Сириус известен очень хорошо: по собачьей легенде, он спустился на Землю и спросил всех собак, не хотят ли они жить с ним на звезде¹⁶. Собаки, конечно, отказались, потому что пожелали остаться со своими людьми. Есть еще одна собачья легенда: о том, что Сириус в качестве наказания за преступление, которого не совершал, был вынужден принять собачий облик на земле¹⁷.

– Эта звезда находится в созвездии Большого Пса, а о том, как именно это вышло, есть множество историй, и я их те-

---

¹⁶ *Смит Доди*. Новые приключения далматинцев.

¹⁷ *Джонс Диана Уинн*. В собачьей шкуре.

бе вскоре расскажу. В «Энеиде» есть момент, когда пламя вокруг героя Энея сравнивается с сиянием собачьей звезды, тем самым указывая на его исключительность и полубожественное происхождение; в Илиаде похожим образом описывается Ахилл, но там в этом есть еще и зловещие намеки.

Наверное, самая знаменитая собака в античной, а может, и во всей мировой литературе, – верный пес Аргус: он ждет, когда его хозяин Одиссей вернется домой, и, узнав его (через целых двадцать лет, помним), тихо умирает. Эту сцену мы рассмотрим позже, когда у нас речь пойдет об Одиссее. Аргус, кстати, вполне мог быть лаконской породы, а вот псы свинопаса Евмея, бросившиеся на Одиссея и чуть не разорвавшие его на части, вероятно, были молосской породы.

Держать собак, пожалуй, для многих было семейной традицией. У Одиссея был предок по имени Кефал. Всю его историю можно найти у латинского поэта Овидия в «Метаморфозах», которые мы более подробно обсудим позднее; там многие персонажи называются латинскими именами, например Аврора вместо Эос. Я буду использовать греческие, потому что они изначальные. Итак, богиня зари Эос воспылала к Кефалу.

– *Воспылала?*

– Ну, она же заря, вот она в буквальном смысле и «пылает», когда появляется.

– *А если выразиться попроще?*

– Ну ладно. Эос влюбилась в него. До смертных никак не

дойдет, что не стоит отказывать божеству. Глас любви призывал Кефала, но он был глух к нему, к тому же не мог располагать своей симпатией так, как того хотела Эос. Богиня зари в припадке гнева сообщила ему, что его жена Прокрида – шлюха и за золото готова упасть в объятия кого угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.